

© 1997 г. Т.К. АБДИЕВ

КОНСТРУКЦИИ С КАУЗАТИВНЫМИ ГЛАГОЛАМИ В КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В тюркологии формы каузатива по традиции относятся к категории залога наряду с формами актива (действительный залог), пассива (страдательный залог), рефлексива (возвратный залог) и реципрока (взаимно-совместный залог). Данная традиция идет еще от составителей первых грамматик тюркских языков [ГАЯ 1869: 5; Мелиоранский 1896: 48] и продолжается по сей день, хотя исследователи отмечают, что это "никем не было обосновано надлежащим образом" [СИГТЯ 1988: 278]. По данному вопросу имеется достаточно много работ, но проблема залога в тюркологии была и остается очень сложной. Предметом традиционной дискуссии являются определение залога, характеристика залоговых форм как словоизменительных или словообразовательных, состав залоговой парадигмы. Разнообразие и порой противоречивые мнения относительно тюрского залога обусловлены, по-видимому, прежде всего категориальной разнородностью тех семантических явлений, которые объединены в категорию залога. В последнее время об этом все чаще упоминается в литературе. "...в тюркских языках каждая форма, именуемая залоговой, выражает самостоятельную категорию (смысловую структуру ее образует оппозиция соответствующей формы и формы действительного залога) и о залоге в общем смысле можно говорить лишь условно, считаясь с существующей грамматической традицией", – пишет А.М. Щербак [Щербак 1981: 104]. К такому же выводу приходит В.С. Храковский: "...в тюркологии термин "залог" используется для объединения разнородных семантических явлений, которые не сводятся к общему знаменателю и не являются частными значениями одной грамматической категории" [Храковский 1989: 22–25]. Разнородность залоговых форм доказывается сочетаемостью показателей последних, "что было бы невозможно, если речь шла о показателях одной грамматической категории" [Храковский 1989: 23].

При решении вопроса о залоге в тюркских языках на наш взгляд наиболее приемлемым кажется определение, данное А.А. Холодовичем: "Залог есть регулярное обозначение в глаголе соответствия между единицами синтаксического уровня и единицами семантического уровня. Короче, залог – это грамматически маркированная в глаголе диатеза" [Холодович 1979: 284]. Имеется в виду, что при залоговых преобразованиях набор единиц семантического уровня или участников ситуации, называемой глаголом, для каждого глагола остается постоянным, но меняется тип соответствия между единицами семантического уровня (субъектом, объектом, адресатом) и единицами синтаксического уровня – членами предложения. В тюркских языках этому пониманию соответствует только оппозиция действительный залог (актив): страдательный залог (пассив). Теоретические положения этой концепции неоднократно проверялись и уточнялись на материале отдельных тюркских языков [Исхакова 1974; Летягина, Насилов 1974]. Форма каузатива рассматривается нами как отдельная категория и тем самым мы присоединяемся к мнению Е.Е. Корди: "...к значению исходного глагола при нем (при каузативном преобразовании. – Т.А.) –, добавляется сема каузации и тем самым изменяется состав участников ситуации, к валентностям исходного глагола добавляется валентность на агенс каузации, что

влечет за собой перестройку синтаксической структуры исходного предложения. Таким образом, при каузативном преобразовании меняется и семантическая и синтаксическая структура. На этом основании мы делаем вывод, что каузативное преобразование не является залоговым. По-видимому, каузатив целесообразно рассматривать как самостоятельную категорию французского глагола с оппозицией некаузатив/каузатив, в которой каузатив является маркированным членом [Корди 1988].

В отличие от традиционного мнения о том, что понудительное (каузативное) значение выражается только понудительной (каузативной) формой от переходных глаголов, а в непереходных глаголах каузативные суффиксы употребляются как средство образования переходности, все глаголы с показателем каузатива рассматриваются нами как каузативные глаголы. Общим и инвариантным значением последних является выражение события и его причины. Таким образом, глаголы, выражающие только событие, называются исходными, некаузативными глаголами. А глаголы, выражающие и причину и событие (= следствие), называются каузативными глаголами. Здесь приведем два примера, первый из которых традиционно рассматривается как понудительный залог, второй – как переходный глагол.

- (1) а *Мен кат жаз-ды м*
Я письмо писать – прош 1 л ед
Я написал письмо
б *Ал мага кат жаз дыр ды*
Он я (дат) письмо писать – кауз, прош
Он заставил (просил) меня написать письмо
- (2) а *Таи кула ды*
Камень свалиться – прош
Камень свалился
б *Бала таи ты кула т ты*
Мальчик камен (вин) свалиться – кауз, прош
Мальчик свалил камень

Как известно, каузативное значение выражается в разных языках по-разному [ТКК 1969 20–22, Сильницкий 1973 3–12]. В тюркских языках, в том числе и в киргизском языке данное значение выражается в основном морфологически, т.е. с помощью каузативных суффиксов. Показателями каузатива в данном языке являются суффиксы *-т, -дыр, -кыз, -ыр, -кыр, -ыз, -ыт, -сөт*. Например, *оку-т* – “заставить читать” (от *оку* – “читать”), *саа-дыр* – “заставить или позволить доить” (от *саа* – “доить”), *жат-кыз* – “заставить лечь” (от *жат* – “лежать”), *кет-ир* – “удалить” (от *кет* – “удаляться”), *бүт-көр* – “кончать” (от *бүт* – “кончаться”), *жуг-уз* – “заражать” (от *жук* – “заражаться”), *корк-ут* – “пугать, устрашать” (от *корк* – “бояться, страшиться”), *көр-сөт* – “показывать” (от *көр* – “видеть”). Выбор того или иного суффикса при образовании каузативных глаголов определяется конечной фонемой исходного некаузативного глагола. Здесь значительную роль играет также фонетический и морфологический состав последнего. Абсолютное большинство, а именно 97% каузативных глаголов образуется с помощью *-т* и *-дыр*, а остальные суффиксы относятся к непродуктивным. Следует отметить, что среди каузативных суффиксов самым продуктивным является суффикс *-т*, а не *-дыр*, как это отмечено в грамматике киргизского языка [ГКЛЯ 1987 250]. По нашим данным, с помощью первого образуется 82%, а с помощью второго – 15% каузативных глаголов [Абдиев 1993].

В киргизском языке, по-видимому, существуют также другие способы выражения смысловой оппозиции некаузатив/каузатив. Например, некаузативное и каузативное значения передаются сложными глаголами, у которых именная часть одна и та же, а служебные глаголы разные: *дос бол* – “быть другом”, *дос кыл* – “сделать другом”, *капа бол* – “обидеться”, *капа кыл* – “обидеть” и др.

В киргизском языке каузативные глаголы образуются от переходных и непереходных глаголов. Большинство из них образуются от непереходных глаголов и по

нашим подсчетам они составляют 78%. Такая тенденция наблюдается и в других языках мира [ТКК 1969: 25]

При образовании каузативов от непереходных глаголов получают переходные глаголы, т.е. у производных каузативных глаголов появляется возможность иметь прямое дополнение, выраженное формой винительного падежа. Это проявляется в синтаксисе, и синтаксические конструкции с соответствующими глаголами связаны отношением деривации. При образовании каузативной конструкции из некаузативной с непереходным глаголом глагол заменяется соотносительным каузативом, подлежащее исходной структуры преобразуется в прямое дополнение, образуется новое подлежащее. Пример

- (3) а *Ал кары ды*
Он стареть – прош
Он постарел
б *А ны күйүт кары т ты*
Он (вин.) горе стареть – кауз. прош
Его горе состарило

Теперь рассмотрим конструкции с каузативами, образованными от переходных глаголов. Подлежащее во всех случаях оформляется именительным падежом. В отличие от него первое и второе дополнения имеют разные формы. В большинстве случаев первое дополнение оформляется винительным падежом, а второе дополнение – дательным падежом. Об остальных случаях речь идет ниже.

Подлежащее в исходной конструкции выражает реального носителя действия, а во втором случае – каузатора. Первое дополнение во всех случаях выражает реальный объект, второе дополнение – реального носителя действия.

Такая конструкция с каузативным глаголом рассматривается нами как дериват исходной конструкции. Здесь существуют следующие возможности:

а) Вводится новое подлежащее, а прежнее подлежащее превращается во второе дополнение, так как первое уже имеется в исходной конструкции.

- (4) а *Балдар чөп тааы и ты*
Ребята сено тащить – совм. прош
Ребята таскали сено
б *Асан чөп тҮ балдар га тааы т ты*
Асан сено (вин.) ребята (дат.) тащить – кауз. прош
Асан заставил (просил) ребят таскать сено

Как видно из примеров (1а, б) и (4а), прямое дополнение наряду с материально выраженной формой винительного падежа имеет довольно часто и нулевую форму того же падежа. В тюркологии вопрос о нулевой форме остается все еще спорным. Здесь сохраняется традиционное мнение о том, что падежные словоформы с нулевыми аффиксами являются именительным падежом, т.е. исходят из того, что существенной характеристикой грамматической категории падежа является выражение его в форме аффиксов склоняемого слова. Но такое представление “далеко не соответствует действительному положению вещей” [Щербак 1977]. Как отмечают исследователи для выявления общей характеристики данного падежа целесообразно исходить из формы, семантики и синтаксической функции [Головин 1973: 219, Ганиев 1970].

Когда первое дополнение оформляется морфологически, выраженным винительным падежом, речь идет об определенном предмете, а если оно имеет нулевую форму, речь идет о неопределенном, неконкретном предмете. Это характерно и для нулевых форм других косвенных падежей [Вильданова, Гарипов 1988].

В некоторых случаях первое дополнение имеет форму исходного падежа и указывает, что действие переходит не на весь объект, а на его часть. Например

- (5) *Ал бала га нан дан же дир ди*
Он ребенок (дат.) хлеб (исход.) есть – кауз., прош
Он заставил (дат.) ребенку съесть хлеб (т.е. часть)

Как видно из примеров, второе дополнение в большинстве случаев оформляется дательным падежом. Но оно иногда может иметь форму именительного падежа и к нему присоединяется послелог *менен*, имеющий значение орудийности. Это происходит в том случае, когда в качестве второго дополнения выступает существительное, обозначающее неліцо. Здесь каузатив имеет инструментально-каузативное значение и указывает, что субъект использует для определенного действия какой-либо предмет (как бы "заставляя" его действовать). Например:

- (6) *Ал мен-и ат-ы менен жооло-т-ту.*

Он я (вин.) конь (посесс. 3 л.ед. послелог) теснить – кауз., прош.

Он теснил меня своим конем ("заставил своего коня теснить меня").

В редких случаях подлежащее исходной конструкции превращается в третье дополнение, поскольку второе дополнение в форме дательного падежа уже имеется. Новое дополнение оформляется исходным падежом. Каузатив в таких случаях образуется от глаголов речи. Например:

- (7) а. *Уул-ум а-га бул кабар-ды айт-ты.*

Сын (посесс. 1л., ед.) он (дат.) это сообщение (вин.) сказать – прош.

Мой сын сказал ему это сообщение.

- б. *Мен бул кабар-ды а-га уул-ум-ан айт-тыр-ды-м.*

Я это сообщение (вин.) он (дат.) сын (посесс. 1л., ед. исход.) сказать – кауз., прош., 1л. ед.

Я заставил (просил) своего сына сказать ему это сообщение (я передал ему это сообщение через своего сына).

Подлежащее и дополнение меняются местами и оформляются соответствующими падежными формами. В таких случаях обычно отсутствует первое дополнение, которое в производной каузативной конструкции денотативно совпадает с подлежащим. Например:

- (8) а. *Мергенчи карышкыр-ды ат-ты.*

Охотник волк (вин.) стрелять – прош.

Охотник стрелял в волка.

- б. *Карышкыр мергенчи-ге ат-тыр-ба-ды.*

Волк охотник (дат.) стрелять – кауз., отр., прош.

Волк не позволял охотнику стрелять (в себя).

Каузативные глаголы в киргизском языке имеют в основном два значения: фактитивное и пермиссивное. Они формально не дифференцируются, т.е. одна и та же каузативная морфема может обозначать оба значения. При фактитивной каузации инициатором действия является каузирующий субъект, а каузируемый субъект является только исполнителем этого действия. Пермиссивная каузация характеризуется активностью каузируемого субъекта: инициатива обычно принадлежит ему, а каузирующий субъект только разрешает, не препятствует или допускает его действие [ТКК 1969: 28]. Кроме этих двух значений каузативная морфема выражает иногда другие периферийные значения, которые редко встречаются в киргизском языке.

Приводимая ниже семантическая классификация каузативных конструкций с фактитивным и пермиссивным значениями основывается на типах ситуаций, которые выражаются в них. Типы ситуаций определяются по трем семантическим признакам, характеризующим компоненты изучаемой конструкции: 1) семантический подкласс имени, обозначающего субъект каузации (учитывается признак одушевленности/неодушевленности); 2) семантический подкласс имени, обозначающего объект каузации; 3) семантический подкласс глагола в позиции Vк (учитывается признак контролируемости), т.е. сознательное участие исполнителя действия в каузативных ситуациях [Корди 1988: 124; Булыгина 182]. Рассмотрим типы фактитивной ситуации.

Ситуация I. Воздействие одушевленного референта на одушевленный референт. Участники: каузирующий субъект и каулируемый субъект. Этот тип ситуации делится на подтипы, при выделении которых используются дополнительные признаки:

а) активность/пассивность каузирующего и каузируемого субъектов; б) характер воздействия каузирующего субъекта на каузируемого.

1. Каузирующий субъект активен и производит физическое действие, приводящее каузируемого субъекта в определенное состояние. Каузируемый субъект пассивен. Например:

(9) *Моде ата-сы-н ыл-түр-дү.*

Моде отец (посесс., 3л., ед., вин.) умереть – кауз., прош.

Моде убил своего отца.

2. Каузирующий субъект активен и оказывает психологическое воздействие на каузируемый субъект. Например:

(10) *Ал биз-ди сүйүн-т-тү.*

Он мы (вин.) радоваться – кауз., прош.

Он нас радовал.

3. Каузирующий субъект активен и заставляет каулируемого субъекта быть активным. Например:

(11) *Алар Эр-Киши-ни шаш-тыр-ды.*

Они Эр-Киши (вин.) торопиться – кауз., прош.

Они заставили Эр-Киши торопиться.

4. Каузирующий субъект и каулируемый субъект активны. Большинство каузативных глаголов, образованных от переходных глаголов представляют именно такую ситуацию. Здесь участвует также объект действия. Например:

(12) *Ал аял-ы на тамак даярда-т-ты*

Она жена (посесс., 3 л., ед., дат.) пища готовить – кауз., прош.

Он заставил (просил) жену приготовить пищу.

5. Каулирующий субъект мешает активному действию каулируемого субъекта. Например:

(13) *Бир киши ат-ты тос-уп буйдал-т-ты.*

Какой-то человек конь (вин.) преграждать путь (деепр.) задержаться – кауз., прош.

Какой-то человек, преграждая путь, заставил коня задержаться.

6. Каулирующий субъект пассивен, а каулируемый субъект обладает активностью. Например:

(14) *Чал жеке көрүнүш-ү менен отургандар-ды өзү-нө кара-т-ты.*

Старик один внешность (посесс., 3л., ед., послелог) сидящие (вин.) сам (дат.) смотреть – кауз., прош.

Старик одной своей внешностью заставил сидящих смотреть на себя.

Ситуация II – воздействие одушевленного референта на неодушевленный референт. Участники: каулирующий субъект и объект действия. Каузатив образуется от непереходных глаголов. В этой ситуации исполнителем действия является сам каулирующий субъект и его действие приводит к изменению положения вещей (событий) в окружающей его действительности. Например:

(15) *Мен кылыч-ты курчу-т-ту-м.*

Я меч (вин.) наточиться – кауз., прош., 1л., ед.

Я точил меч.

Ситуация III – воздействие неодушевленного референта на одушевленный референт. Субъектом каузации являются предметы (события), объект действия – одушевленное существительное, в большинстве случаев это человек. Каузатив образуется от непереходных глаголов. Каузатор влияет на физическое, эмоциональное, интеллектуальное состояние каулируемого. Например:

- (16) *Мезгил биз-ди эрте бышык-тыр-ган.*
Время мы (вин.) рано закаляться – кауз., прош.
Время рано закалило нас.

Ситуация IV – воздействие неодушевленного референта на неодушевленный референт. Каузатив образуется от непереходных глаголов. Например:

- (17) *Күзгү шамал сары жалбырактар-ды уч-ур-а-т.*
Осенний ветер желтый листья (вин.) лететь – кауз., деесп., 3л., ед.
Осенний ветер заставляет желтые листья лететь.

Для киргизского языка характерна фактитивная каузация, а актуализация пермиссивного значения требует особых контекстных условий. Вне контекста лишь единичные глаголы могут обозначать пермиссивную каузацию. Например: *алда-т*- "дать себя обмануть"; *ут-кур*- "позволить себе выиграть, проиграть"; *жен-дир*- "дать себя победить, поддаться, покориться". Такая же ситуация наблюдается и в других тюркских языках [Султанов 1992: 15]. Хотя трудно выделить все контекстные условия, актуализирующие пермиссивную каузацию, мы отмечаем следующие моменты: 1) Каузативная конструкция выражает пермиссивное значение, если каузатив образуется от глагола, обозначающего "неприятное" действие, наносящее субъекту каузации какой-либо ущерб; 2) Каузативная конструкция выражает пермиссивность также в том случае, когда каузируемое состояние представляет собой "приятное" для его субъекта действия [ТКК 1969: 31].

Пермиссивные конструкции выражают ситуации двух типов, которые выделяются по подклассу имен, обозначающих субъект и объект пермиссивной каузации. При классификации пермиссивных конструкций учитывается также признак контролируемости ситуации. Рассмотрим типы пермиссивных ситуаций.

Ситуация I – отношения между одушевленными референтами. Участники: каузирующий субъект и объект каузируемого действия: ситуация включает два подтипа:

а) "допущение". Субъект каузирующего действия на референтном уровне полностью совпадает с объектом каулируемого действия, который обычно не выражается в каузативной конструкции. Каузирующий субъект не контролирует ситуацию. Например:

- (18) *Каман-га кач-па-й чал-дыр-ды-н.*
Дикий кабан (дат.) бежать (отр., деесп.) запороть – кауз., прош., 2л., ед.
(Ты) не убегай допустил, чтобы дикий кабан запорол (тебя).

б) "позволение". Здесь каузируемое состояние представляет собой "приятное" для его субъекта действие и роль каузирующего субъекта сводится к позволению такого действия. В отличие от подтипа а) здесь каузирующий субъект контролирует ситуацию. Например:

- (19) *Кемпир келин-и-н твркүлб-т-тү.*
Старуха сноха (посесс., 3л., ед., вин.) посещать дом родителей – кауз., прош.
Старуха позволяла своей снохе посещать дом своих родителей.

В редких случаях конструкции с фактитивным и пермиссивным значениями различаются по оформлению падежей. В пермиссивной конструкции первое дополнение (объект каулируемого действия) оформляется винительным падежом, второе дополнение (каузируемый субъект) – дательным падежом. А в фактитивной конструкции наоборот, первое дополнение принимает форму дательного падежа, а второе дополнение – винительного падежа. Например:

- (20) *Биз а-га ат-ты мин-гиз-ди-к.*
Мы он (дат.) конь (вин.) сесть – кауз., прош., 1л., мн.
Мы позволили ему сесть на коня.
- (21) *Биз а-ны ат-ка мин-гид-ди-к.*
Мы он (вин.) конь (дат.) сесть – кауз., прош., 1л., мн.
Мы его заставили сесть на коня.

Примечание: В киргизском языке есть выражение *кер байталга мингиз* – "букв. посадить на караковую кобылу", что означает "предать женщину посрамлению" [Юдахин 1985]. Здесь оформление первого дополнения винительным падежом не допускается, так как эту форму имеет второе дополнение, т.е. каузируемый субъект – женщина. Естественно, что такая конструкция имеет факитивное значение.

Ситуация II – отношение между одушевленным и неодушевленным референтами.

1. Первый подтип ситуации составляют непереходные глаголы, выражающие физические изменения, "неприятные" для субъекта. Эти изменения происходят сами собой с течением времени и роль каузирующего субъекта сводится к допущению таких изменений по своей оплошности. Например:

(22) *Ал эт-ти сасы-т-ыт ий-ды.*

Он мясо (вин.) стать тухлым – кауз., дееспр., всп. гл., прош.

У него мясо протухло (букв. он допустил, чтобы мясо протухло).

2. Иногда каузирующий субъект подвергается "неприятному" действию в результате своей деятельности. Например:

(23) *Бала ооз-у-н сүт-кв күй-гүз-гөн.*

Мальчик рот (посесс., 3л., ед., вин.) молоко (дат.) обварить – кауз., прош.

Мальчик допустил, чтобы молоко обварило его рот.

Конструкции с каузативным глаголом иногда имеют другие периферийные значения.

Ассистивное значение. В тюркских языках, в том числе и в киргизском языке такое значение обычно выражается реципрокной морфемой. Здесь акцентируется совместность действия субъектов [КАТГ 1980]. При ассистивном значении, выраженном формой каузатива, акцентируется достижение определенного результата [ТКК 1969]. Круг глаголов, образующих такие каузативы, не велик и только единичные глаголы способны выражать такое значение, которое обусловлено окружающими актантами. В таких случаях один из актантов не в состоянии совершать то или иное действие и роль второго сводится к тому, чтобы помочь первому. Например:

(24) *Кемпир келин-ди торо-т-ту.*

Старуха молодуха (вин.) рожать – кауз., прош.

Старуха оказывала помощь молодухе при родах.

Инструментативно-каузативное значение. Здесь субъект использует для осуществления какое-либо орудие действия, средство (как бы "заставляя" его действовать). Например:

(25) *Биз устун-ду бзүз менен сүйрө-м-тү-к.*

Мы бревно (вин.) бык (последлог) приволочить – кауз., прош., 1л., мн.

Мы приволокли бревно быком (заставили быка приволочить).

Особым подтипом такой каузации является ситуация, где субъект действия для осуществления своей цели использует какое-либо природное явление или предмет (при этом он не "заставляет", а "использует"). Например:

(26) *Бала кдйнбз-ү-н күн-го курга-т-ты.*

Мальчик рубашка (посесс., 3л., ед., вин.) солнце (дат.) стать сухим – кауз., прош.

Мальчик высушил свою рубашку на солнце.

Каузативные глаголы образуются и от рефлексивных, реципрокных и пассивных форм глагола. Каузативные конструкции, образованные от рефлексивных, имеют факитивное, пермиссивное и ассистивное значения. Их отличие от других каузативных конструкций состоит в том, что, во-первых, здесь каузируемый субъект и объект каузируемого действия совпадают на референтном уровне и действие референта направлено на самого себя или концентрируется вокруг него, во-вторых, здесь преобладает дистантная каузация. Каузативные конструкции, образованные от реци-

прокных, выражают факитивное и пермиссивное значения. Отличаются они от других тем, что здесь каузации подвергаются не менее двух субъектов, у которых действия направлены друг на друга. Для них характерна дистантная каузация. А конструкции, образованные от пассивных, выражают оба типа каузации: дистантный и контактный.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдиев Т К 1993 – Каузативные суффиксы и их дистрибуция в киргизском языке // Функциональное описание языковых явлений. СПб., 1993.
- Булыгина Т В 1982 – К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Вильданова Н Г, Гарипов Т М 1988 – Один нулевой падеж или нулевые формы разных падежей // Советская тюркология. Баку, 1988. № 3.
- Ганиев Ф А 1970 – О синтетических и аналитических падежах в татарском языке // Вопросы тюркологии. Ученые записки КГПИ. Вып. 74. Казань, 1970.
- ГАЯ 1869 – Грамматика алтайского языка, составленная членами Алтайской миссии. Казань, 1869.
- ГКЛЯ 1987 – Грамматика киргизского литературного языка. Фрунзе, 1987.
- Головин Б М 1973 – Введение в языкознание. М., 1973.
- Исхакова Х Ф 1974 – Диатезы и залогов в татарском языке // Типология пассивных конструкций. Л., 1974.
- КАТГ 1980 – Кыргыз адабий тилини грамматикасы. Фрунзе, 1980.
- Корди Е Е 1988 – Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке. Л., 1988.
- Летягина Н И, Насилов Д М 1974 – Пассив в тувинском языке // Советская тюркология. 1974. № 1.
- Мелиоранский П М 1894 – Грамматика казак-киргизского языка. СПб., 1894.
- СИГЯ 1988 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М., 1988.
- Сильницкий Г Г и др. 1973 – К сопоставительному изучению форм выражения смысловых каузативных оппозиций в русском, итальянском, немецком и английском языках // Типологическое сопоставление семантических классов знаменательных слов. Смоленск, 1973.
- Султанов В С 1992 – Валентность категории глагола в азербайджанском языке. Автореф. дис. канд. филол. наук. Баку, 1992.
- ТКК 1969 – Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л., 1969.
- Холодович А А 1979 – Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
- Храковский В С 1989 – Тюркский залог с позиций универсальной концепции диатез и залогов // Советская тюркология. Баку, 1989. № 5.
- Шербак А М 1981 – Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). Л., 1981.
- Шербак А М 1977 – Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л., 1977.
- Юдахин К К 1985 – Киргизско-русский словарь. Фрунзе, 1985.